

В.И. Макаров

**УЧЕНЫЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВОВ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ)**

На материале архивов и периодической печати конца XIX – начала XX века исследуется проблема борьбы научных кругов России за политические свободы, равноправие, за права учащейся молодежи.

наука, ученые, студенчество, университет, политическая партия, консерваторы, личность, свобода, правительство, революция.

Этот этап истории российской науки чрезвычайно важен, ибо он проливает свет на те условия, в которых в последнее десятилетие XIX века – первые два неполных десятилетия XX века пришлось развиваться отечественной науке. Атмосфера в стране в этот период была настолько сложна и накалена, что вряд ли кто-либо из деятелей науки мог остаться равнодушным к ней. Только по настроениям и высказываниям ученых этого времени можно было бы написать правдивую историю предреволюционной эпохи.

В 1920 году Михаил Лемке опубликовал в Петербурге книгу «250 дней в царской ставке». В ней есть строки, совершенно незаслуженно умаляющие значение науки вообще и Российской академии наук дореволюционной эпохи в частности. Академия наук, читаем мы в книге, «следуя старой традиции, считает за настоящую и единственную ей присущую науку – семнадцатую пуговицу сто сорок девятого кафтана Ивана Калиты...». И далее: «Эти кафтанчики издавна и преемственно заполнили (Академию. – В.М.), куда свежим силам почти нет ни прохода, ни проезда. Разве революция смоет всю эту немецкую почву и заставит взяться за науку на пользу сегодняшнего дня страны? Академию наук пробовали перелицевать – Шахматов, Лаппо-Данилевский, Котляревский тому доказательство, – но не хватило ни сил, ни выдержки; немецкие гири так и тянут в схоластический вздор, считая живую жизнь России не делом науки... Романовы сознательно сторонятся науки, боясь ее разрушающего начала, а народ ведь потребует ее на свой суд и скажет: «Кто дал Вам право заниматься пуговицами, когда вся страна не имеет ни одного здорового учебника по любому предмету, когда университеты, следуя вашему примеру, ушли в какую-то мурью? Потрудитесь-ка нарушить свой жреческий покой и взяться за дело. Не о пуговицах думать, когда погибаем от невежества»¹.

Много здесь автором (видимо, от недостаточного знания предмета размышлений) намешано. И непонимание того, что у каждого ученого – своя работа, свои научные интересы и что семнадцатая пуговица кафтана Ивана Калиты тоже достойна изучения человечеством; и незнание того, что российские ученые

¹ Лемке М. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 644.

дореволюционной эпохи, в том числе и гуманитарии, так много сделали для осмысления человечества человеком, для реконструкции трудной, но вместе с тем величественной российской истории. И Романовы вовсе не сторонились науки. Президент Российской академии наук Великий князь Константин Константинович Романов, двоюродный дядя императора Николая II, был не только Президентом Академии наук, Президентом Общества естествознания, антропологии

и этнографии, Главным начальником военно-учебных заведений, попечителем Педагогического женского института, почетным членом Русского музыкального общества, но и превосходным поэтом, глубоким исследователем рукописей трагедий Вильяма Шекспира... И политическую ситуацию в России начала XX он видел превосходно. Незадолго до своей кончины в 1915 году Великий князь, потерявший своего сына в мировой войне в первые же месяцы после ее начала, написал завещание, в котором распорядился свои дневники передать Академии наук, с тем чтобы «никто из ближайших родственников или посторонних не мог прочитать их в течение 90 лет по моей кончине». В академии наук оказалось 65 его тетрадей...

Что касается уровня образования народа в дореволюционной России, который в 1897 году, всего за 20 лет до Октябрьской социалистической революции, составлял в среднем всего лишь 25 процентов, тут М. Лемке, безусловно, прав. И все же намного больше в его словах о российских ученых необоснованной злости и несправедливости.

Перелистывая пожелтевшие от времени страницы документов российских архивов, полотно газет, поражаешься и радуешься тому, как высоко ценили и нашу науку, и наш народ иностранные ученые-слависты: хорваты Юрий Крижанич, Ватрослав Облак, Ватрослав (после перехода в православие Игнатий Викентьевич) Ягич, чехи Юрий Поливка, Юлий Грегр, Станислав Шкрабец, серб Радован Кошутич и многие другие.

И.В. Ягич 17(29) декабря 1874 года из Берлина, куда он вынужден был переехать из России, где не были созданы необходимые для семьи этого крупного ученого-слависта элементарные условия жизни, писал В.И. Ламанскому: «...Я люблю Россию не менее настоящего русского... Я без чина уехал из России, но в сердце повез с собою любовь и благодарное воспоминание о ней...»². Вскоре после переезда в Берлин Ягич создал здесь филолого-археологический печатный орган «Archiv für slavische Philologie und Alterthumskunde» с целью ознакомления не только немцев, но и «прочих «языков» с результатами историко-филологических трудов братьев-славян, «которые все еще не знают друг друга, в особенности же не знают – русских»³. И в еще одном письме к В.И. Ламанскому от 12(24) марта 1880 года И.В. Ягич с восторгом писал о России: «Я не русский, но имею слабость любить Россию как главу славянства; интерес к славянской науке мне выше всего, я покидаю Одессу с надеждою с большим успехом действовать

² Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М. ; Л., 1948. С. 82.

³ Там же. С. 84.

в пользу этой науки в Берлине, тут немцы непричем, я уважаю их устойчивость и добросовестное отношение к своим обязанностям, но не разделяю и никогда не буду участвовать в их нерасположении к славянам»⁴. Шесть лет спустя И.В. Ягич признавался Ф.Е. Коршу, крупному российскому филологу: «Из газет Вы, конечно, уже знаете, что я покидаю Санкт-Петербург, но не покидаю России, не покидаю славянской науки, не изменю моим симпатиям к русскому языку, литературе, к славному русскому народу»⁵. Юрий Поливка в ноябре 1890 года «сознался»: «Время, которое я прожил в России, вообще самое счастливое время моей жизни. А как ни приятны эти воспоминания, все-таки лучше не вспоминать, тем более сравнивать Ваши ученые общества с нашими домашними...»⁶.

Радован Кошутич, профессор Белградского университета, делясь с А.А. Шахматовым 1(14) октября 1910 года планами на ближайшее будущее, сетовал, что зимой вряд ли сможет приехать в Россию, «чтобы набраться *нравственной силы и стойкости* (курсив наш. – В.М.) для новой работы. В здешней пустыне ужасно трудно работать»⁷. Подобных отзывов о России и российских филологах было немало, хотя встречались и другие, но исключительно опять-таки от доброго, сердечного отношения к России. М.М. Покровский вспоминал, как немецкий лингвист Б. Дельбрюк как-то сказал ему при встрече: «Вы знаете, я бывал в России, знаю ваш язык, имею понятие о нравах. Я очень люблю русскую «широкую натуру». На этом бы хотелось завершить цитирование, но ученому нельзя грешить против правды, и я вынужден продолжить: «...но эти ленивые русские! Как они не любят писать, как они, можно сказать, боятся печатного станка!»⁸.

Молодежь, очень чуткая ко всему, что происходит вокруг, наиболее верный барометр общественных настроений. В Петербургском университете 8 февраля 1899 года планировался традиционный годичный университетский праздник. По указанию ректора В.И. Сергеевича заранее было вывешено объявление с перечнем взысканий за нарушение порядка во время этого акта. В знак протеста студенты договорились покинуть зал, когда на кафедре появится ректор, и выполнили задуманное. Однако на улице их встретили уже заготовленные для этого случая казацкие нагайки... Четыре дня спустя в университете началась всеобщая забастовка, распространившаяся на другие вузы не только столицы, но и Киева, Харькова, Рига... В конце месяца в России бастовало около 30 тысяч студентов, из них до 1/3 – в Петербурге.

По поручению императора министр внутренних дел генерал-адъютант П.С. Ванновский ввел «Временные правила» поведения студентов университе-

⁴ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). С. 98.

⁵ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 412. Л. 24.

⁶ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). С. 144.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Дурново Н.Н. К украинской диалектологии // Slavia. 1925. Вып. 4.

тов России, по которым бастующих повелевалось отдавать «в солдатство». Действительно, уже в начале января 1901 года в солдаты было отдано 183 студента киевского университета Святого Владимира⁹.

Студенты боролись против отмены университетского устава, принятого правительством в 1863 году, в соответствии с которым высшим учебным заведениям была предоставлена автономия: выборность ректора и профессуры, право университета решать все свои научные, учебные, административно-хозяйственные проблемы, в том числе самостоятельно решать не по приказу Министерства народного просвещения и, тем более, Министерства внутренних дел проблемы университетского суда. Новый устав 1884 года подчинял университеты Министерству народного просвещения и попечителю учебного округа. Бунтарские настроения студенчества вынудили царя заставить правительство смягчить репрессии против студенчества. 30 декабря 1901 года были опубликованы новые «Временные правила о студенческих учреждениях», по которым студентам разрешалось под надзором учебного начальства устройство столовых, касс взаимопомощи, научно-исследовательских кружков.

Ученые также искали все возможные способы влияния на правительственные сферы для смягчения участи студентов, навлекая тем самым на себя их гнев и немилость. Волнующие страницы истории Академии наук в преддверии революции составили инциденты, получавшие в правительственных кругах очевидную политическую окраску: «Записка 342 ученых», направленная в целый ряд печатных органов столицы, авторы которой говорили о необходимости установления «незыблемого начала законности и порядка и связанного с ними начала политической свободы»; отбор кандидатур в члены Академии наук от Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) (Т.Д. Флоринского, И.Я. Франко, А.А. Котляревского и др.); реакция на требование кабинета министров к Академии давать отзывы на «политически вредные» книги; избрание М. Горького в почетные академики недавно учрежденного при ОРЯС разряда изящной словесности.

В конце марта 1901 года Горький выразил свое понимание общей ситуации в стране в письме к А.П. Чехову, также избравшемуся в члены разряда: «Жизнь приняла характер напряженный, жуткий. Кажется, что где-то около тебя, в сумраке событий, притаился огромный, черный зверь и ждет и соображает – кого пожрать. А студентики – милые люди, славные люди, лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть...»¹⁰.

М. Горький получил от Академии наук звание почетного академика по разряду изящной словесности 25 февраля 1902 года. Решение Академии вызвало ярость Николая II, и 11 марта в газетах появилось сообщение о том, что царь признал выборы недействительными, обозначив свое отношение к этому шагу своеобразной резолюцией: «Экие нахалы!» Председательствующий в ОРЯС ака-

⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. : в 12 т. Сер. 1 : Т. 1–6. Т. 6. М., 1966. С. 28.

¹⁰ Горький М., Чехов А. Переписка, статьи, высказывания. М., 1937.

демик А.Н. Веселовский и член ОРЯС академик А.А. Шахматов были возмущены таким отношением к Академии.

В переписке ученых начала века превосходно отражены их настроения, переживания по поводу инцидента с Горьким. Так, А.А. Шахматов 5 марта 1902 года сообщал Ф.Е. Коршу: на предстоящем 10 марта заседании Отделения необходимо покончить с инцидентом, связанным с М. Горьким; обсудить записку избранного в 1900 году почетным академиком В.Г. Короленко, подавшего в знак протеста против осуждения позиции ОРЯС относительно введения Горького в состав почетных академиков заявление о выходе из ОРЯС. В Шахматове боролись два чувства: желание выйти с достоинством из «гносного» положения, в которое поставили Академию, и стремление не навредить Академии. Ученый опасался, что в этой обстановке очень возможен уход из Академии не только В.Г. Короленко, но и Л.Н.Толстого, А.П. Чехова, К.К. Арсеньева, В.В. Стасова...¹¹. В письме к самому В.Г. Короленко, датированном 24 марта 1902 года, А.А. Шахматов высказал свою тревогу по поводу возможного отказа от звания почетного академика только что избранных в него писателей: «Мы все чувствуем себя очень нехорошо. Были тревожные слухи, что некоторые почетные академики слагают с себя это звание. Для Академии это было бы страшным ударом, так как то обстоятельство, что они остаются в ее сердце, более чем другое что-нибудь, свидетельствует о незаслуженности нападков, посыпавшихся на Академию. Пока Академия не совершила ничего бесчестного, и уже поэтому она вправе думать, что ее члены не нанесут ей оскорбления»¹². А.П. Чехов, получив в декабре 1901 года извещение об избрании Пешкова в почетные академики, первым поздравил его, находящегося как раз в Крыму. Но в связи с возникшим серьезным инцидентом 23 августа 1902 года направил письмо Президенту Академии наук, в котором выразил удивление тем, что, поздравив сердечно Пешкова с избранием, он в то же время должен признать выборы недействительными... «Такое противоречие, – подчеркнул писатель, – не укладывается в моем сознании, примирить с ним мою совесть я не мог. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению... просить Ваше Императорское Высочество о сложении с меня звания почетного академика»¹³.

Много позже, 14 марта 1917 года, Шахматов снова упомянет, теперь уже в письме к А.И. Соболевскому, об инциденте с М. Горьким в связи с тем, что автор письма собирался послать А.М. Горькому, как почетному академику, повестку на ближайшее заседание ОРЯС. Попутно он пояснит адресату, что в прошлые годы все-таки никаких распоряжений от Академии наук об исключении М. Горького из числа почетных академиков не исходило, повеление государя было сообщено Академии уже «по приведении в исполнение вытекавших из не-

¹¹ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 363. Л. 161–161 об.

¹² Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (РО РГБ). Ф. 135. К. 36. Ед. хр. 15. Л. 1.

¹³ Горький М., Чехов А. Переписка, статьи, высказывания. С. 116.

го распоряжений); наконец, одно лишь привлечение к дознанию не может же повлечь за собою для привлеченного лишения или ограничения каких-либо его прав¹⁴.

Для торжественной встречи А.М. Горького на заседании разряда в марте 1917 года А.А. Шахматов приготовит приветственную речь и зачитает ее в отсутствие писателя, пребывавшего в то время в командировке: «С его именем у многих членов Разряда связывается чувство обиды, с трудом переживаемой, неизгладимой... Дружной работой, общим напряжением постараемся восстановить надорванные этим ударом силы Разряда и направим их на служение обновленной нашей Родине»¹⁵. В апреле того же года Горький выступил с превосходной речью на организационном собрании «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», в которой проанализировал жизнь страны последних десятилетий и сказал о необходимых мерах по укреплению авторитета науки в нашей стране: «Разум – наше светило... только на его светлых крыльях мы вознесемся к высоте, достойной человека, достойной его страданий в поисках истины и его неукротимой тоски по истине... Потребуется Геркулесовы усилия, чтобы очистить самих себя и всю страну от грязи и ржавчины монархического режима... Века жили мы со связанными руками, с закрытым ртом, мы плохо умели говорить правду, мы трусливы, мы не любим труда. У нас не развито чувство ответственности за безобразие и позор нашей жизни. У нас нет гордости собою, нет уважения к ближнему, – да и откуда бы могли явиться эти творческие чувства?... Нам необходимо учиться жить, учиться работать, учиться любить труд. Только насыщаясь духом положительных наук, мы постепенно вылечимся от наших болезненных недостатков»¹⁶.

В марте 1902 года А.А. Шахматов писал Ф.Е. Коршу: «Мне кажется, что вообще всякая работа в России в настоящее время бесплодна и что ни к какой работе мы теперь неспособны»¹⁷. Близкие мысли высказал академик и в письме известному отечественному юристу А.Ф. Кони: «Происходящее вокруг нас так давит на сознание, что не могу заниматься; весь день уходит на разговоры, переговоры, совещания. А впереди какое мрачное будущее: могущественная социал-революционная партия преследует совершенно иные цели, чем либеральная часть общества, а потому надежду на водворение у нас законности надо, кажется, совсем отложить. С двумя врагами не справиться»¹⁸.

Академию наук все чаще и бесцеремоннее обвиняли в сочувствии украинскому народу, его языку и культуре. Впрочем, и в самой Академии, кроме А.А. Шахматова и Ф.Ф. Фортунатова, большинство, как писал А.А.

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 12 об.

¹⁵ Вестник знания. 1928. № 5. С. 261.

¹⁶ Там же. С. 261–262.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 363. Л. 164.

¹⁸ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 66.

Шахматов в письме Ф.Е. Коршу 9 ноября 1907 года, было солидарно в антинациональной политике ¹⁹.

Тем не менее, в январе 1905 года Академия наук подняла вопрос «об отмене стеснений малорусского печатного слова», создав для изучения ситуации специальную комиссию, в которую вошли, в частности, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский. Уже к началу марта А.А. Шахматов составил проект заключения, из которого с согласия Ф.Е. Корша он изъяс упоминание об аннулировании Юго-западного отдела Русского географического общества, изучавшего историю украинской культуры, а также о закрытии журнала «Киевский телеграф». К сказанному в письме к Ф.Е. Коршу от 4 марта того же года А.А. Шахматов добавил: князь Шаховской собрал всех цензоров и сказал: «Законы о печати должны быть либеральны, но только отчасти – для господ. Печать для народа должна быть под строгим цензурным присмотром. Желательно, чтобы малорусская литература осталась в прежнем положении. Этого, добавил адресант, легко достигнуть, признав и литературу – для народа» ²⁰. Полгода спустя в очередном письме Коршу Шахматов предположительно сообщал о том, что государь признал «несвоевременность изменения положения малорусской литературы».

Работавший в Киеве цензором языковед Т.Д. Флоринский в 1908 году составил записку, направленную против украинского языка. В ней, как писал А.А. Шахматов Ф.Е. Коршу в письме от 27 декабря 1909 года, ученый доказывал необходимость запретить украинские газеты, совсем изгнать украинский язык из украинской школы ²¹. Кстати, Флоринский при выборах в члены ОРЯС Академии наук, был забаллотирован, а в 1919 году в Киеве был расстрелян ²².

В очередном письме к Коршу от 9 сентября 1905 года Шахматов сообщил ему еще одно крайне важное известие: «Говорят, государь признал несвоевременность изменения положения малорусской литературы. Это результат происков Главного управления и господина Пуришкевича...» ²³.

Профессор А.И. Соболевский опубликовал статью против политики А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова и всех, кто по поручению Академии наук изучал положение украинского языка в России и кто своим голосованием в Академии поддержал итоговый документ об отмене стеснений малорусского печатного слова. А.А. Шахматов назвал этот поступок своего коллеги «гнусной выходкой», оставить которую без ответа невозможно, но протест все же, по его глубокому убеждению, должен быть выражен в мягкой форме, чтобы Соболевский, «фразбидевшись, не бросил Академию» ²⁴. Заботу А.А. Шахматова об укреплении и расширении состава Академии, особенно за счет представителей белорусской и украинской филологии, разделяли в Академии не все. Однако в напряженной борьбе Шахматову и его единомышленникам удалось провести в ее ря-

¹⁹ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 366. Л. 299–299 об.

²⁰ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 365. Л. 54–54 об., 56.

²¹ Там же. Ед. хр. 366. Л. 356 об.

²² Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 38.

²³ Архив РАН. Ф. 558. Оп.4. Ед. хр. 364. Л. 68 об.

²⁴ Там же. Л. 362, 366.

ды украинских ученых П.И. Житецкого, М.Г. Халанского, Д.М. Овсяннико-Куликовского, В.Н. Перетца²⁵, крупнейшего белорусского ученого Е.Ф. Карского. В письме к В.Н. Перетцу 23 марта 1916 года А.А. Шахматов признавался: «Избрание Е.Ф. Карского радует меня с принципиальной стороны: российская Академия не должна быть однобокой и представлять только один великорусский язык. Малорусская область нашла в Вас и знатока, и представителя; теперь мы будем иметь представителя белорусского языкознания. Разумеется, о славяноведении скорблю»²⁶.

За пределами академии травля «украинофилов», прежде всего Ф.Е. Корша, А.А. Шахматова, а также Д.И. Багалея и А.Е. Крымского, не затихала. «Состоя с 1909 г. действительным членом львовского «Наукового Товариства», – писал в 1912 году некто С.Н. Щеголев, – г. Шахматов склонен преклоняться перед этим *враждебным* (курсив наш. – В.М.) его родине и его народу учреждением»²⁷. В 1915 году в газете «Московские ведомости» была опубликована статья «Два академика», в которой автор выражал мнение «всякого здравомыслящего русского человека», считающего малорусов русскими, а потому и относящегося отрицательно к стремлениям «группы малорусов» создать особый «украинский» народ, «украинский язык», «автономную» или «самостийную» Украину. Академик А.А. Шахматов, по мысли автора, именно тот, кто своими исследованиями насаждает белорусский и украинский сепаратизм²⁸.

Доставалось в тогдашней России не только украинцам и «украинофилам». В шовинистическом угаре тогдашних властей страдали не только украинцы, но все «инородцы». А.Е. Крымский рассказывал в письме В.И. Вернадскому об отношении к мусульманам: «В Бахчисарае имел свидание с главными представителями общероссийской мусульманской интеллигенции: все глубоко возмущаются недавно высказанною мыслью некоторых русских передовых деятелей, будто российские мусульмане, вся деятельность которых даже при русских реакционных порядках не переставала руководиться избирательным принципом, менее оказываются созревшими для парламентской жизни, чем русские крестьяне»²⁹.

К 1911 году обстановка в учебных заведениях крайне накалилась. Постановлением Совета министров от 11 января в учебные заведения была введена полиция, которой вменялось в обязанность вмешиваться в управление университетом независимо от того, обращается ли к ней университетская администрация: полиция фактически стала органом университетского управления. Обе власти, университетская и полицейская, исполняли свои обязанности добросовестно.

Но с университетской молодежью занималась наукой университетская профессура, которая серьезно задумывалась над причинами этих протестов и прини-

²⁵ Традиции русского языкознания на Украине. Киев, 1977. С. 88.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 24.

²⁷ Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 435.

²⁸ Волков Л. Два академика // Московские ведомости. 1915. № 104. 8 (21) мая.

²⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 880. Л. 2 об.

мала их близко к сердцу. Поэтому борьба правительства с молодежью включала и борьбу с вузовской профессурой, большинство которой не могло не быть обеспокоено судьбой сотен и тысяч своих воспитанников, нередко талантливых молодых людей, исключаемых из университетов, бросаемых в тюрьмы, отправляемых в солдатские роты.

В Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук нам удалось найти черновики важных документов, проливающих свет на взаимоотношения научной интеллигенции России начала XX века и правительства. Один из документов, текст выступления А.А. Шахматова, относится к концу декабря 1905 или началу 1906 года и касается политических забастовок³⁰. На съезде конституционно-демократической партии 14 октября этого года обсуждался вопрос о политических забастовках. Съезд заявил о своей «полной солидарности» с забастовочным движением, имея в виду забастовки экономические, и не поддержал забастовок политических, поскольку, как писал ученый, его партия «отвергала в принципе революционные средства и стремилась достичь политического переворота мирным путем»³¹. В завершении текста выступления, Шахматов акцентировал внимание на своем убеждении в том, что правительство уже доказало, как чужды ему интересы государства и общества. «Преследуя свои собственные интересы, правительство ведет страну к очевидному разорению, и разорение, вызываемое забастовкой, не может остановить правительство в его преступных целях» (курсив наш. – В.М.)³².

Другой документ также не может не оставить равнодушным, по крайней мере, ни одного филолога, поскольку все они превосходно знают имя выдающегося польско-русского ученого И.А. Бодуэна де Куртенэ. Сенат 24 апреля 1914 года утвердил приговор Санкт-Петербургской судебной палаты о заключении ученого в крепость сроком на два года. Причиной осуждения стала публикация им своей книги «Национальный признак в автономии», раскрывающей сомнительную политику правительства в решении национального вопроса в России. Превосходный тюрколог немец В.В. Радлов, переехавший жить и работать в Россию, характеризовал Бодуэна де Куртенэ как человека не только откровенного, но и слишком горячего, прямого, создавшего себе идеальный мир, не отвечающий реальной жизни общества³³. В качестве примера приведем небольшой фрагмент одной из работ Б. де Куртенэ: «В русской научной литературе, и прежде всего в области наук исторических, филологических и лингвистических, завелась особая порода храбрых молодцов, обладающих только храбростью и готовностью говорить и писать о том, чего не знаешь и не понимаешь. Шарлатанство и недобросовестность, при полном незнании элементов науки, – вот каче-

³⁰ С.-Петерб. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 395 а.

³¹ Там же. Л. 2 об.

³² Там же. Л. 4–4 об.

³³ Письмо к Шахматову от 14 апреля 1914 г. // С.-Петерб. отд-ние Архива РАН. Ф. 134. Оп.1. Ед. хр. 429. Л. 60 об.

ства, характеризующие эту породу... Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносят положительный вред тому, что называется наукою...»³⁴.

Группа профессоров историко-филологического факультета обратилась с письмом к министру народного просвещения «с покорнейшей просьбой» возбудить ходатайство о помиловании профессора, одного из пионеров языковедения, оригинального и самобытного ученого, мыслителя, основателя казанской лингвистической школы, давшей миру таких ученых, как Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, С.К. Булич, А.И. Александров (епископ Анастасий)³⁵. Письмо подписали академики Ф.Ф. Фортунатов, К.Г. Залеман, Н.Я. Марр, А.А. Шахматов, приват-доцент Л.В. Щерба.

Много нервозности вносила в жизнь ученых история создания и деятельности Государственной думы, деятельность Государственного совета.

А.А. Шахматов вошел в состав Государственного совета как совещательного органа в 1904 году по достижении им, как полагалось, 40 лет. Действовавший в стране Государственный совет согласно царскому Манифесту от 20 февраля 1905 года был преобразован во вторую, верхнюю, палату наряду с планировавшейся быть созданной (в соответствии с опубликованным 6 августа 1905 года «Положением о выборах в Думу») Государственной думой. В Государственный совет, а теперь и в Государственную думу избирались представители от «курий»: от дворян, землевладельцев, духовенства, торгово-промышленной буржуазии, крестьян, от Академии наук и университетов. От духовенства и от «академической курии» избиралось всего по шесть членов. Надвигавшаяся перспектива избрания А.А. Шахматова и в Думу, и снова в Совет, по словам из письма от 9 января 1907 года Ольги Николаевны Шахматовой старшей сестре Алексея Александровича Евгении Александровне Масальской-Суриной, «тоже его мучила». «Сколько треволений предстоит еще в январе и феврале перед выборами Государственной думы?» – сокрушалась Ольга Николаевна. – Хотя он не принимает ни в чем участия, но не может быть, чтобы он остался равнодушным, слыша от «молодых ученых» подпольные рассказы»³⁶. В письме от 1 февраля того же года сквозит еще большее беспокойство за племянника: «Днем «злосчастные выборы» в Государственный совет от Академии, университета и пр. Я страшно боюсь, как бы Лёлю (так в семье с раннего детства называли Алексея Александровича. – В.М.) не заставили... и Лаппо-Данилевского войти туда. Хотя Лёля мне сказал, что он *отказывается* (курсив наш. – В.М.), но есть сомнение...»³⁷. К 5 февраля все уже было окончательно решено: «Были выборы в Государственную Думу... и Лешу – несмотря на его отказ – выбрали»³⁸.

В группу избранных от академической курии вошли, кроме А.А. Шахматова, историки Д.И. Багалей, А.С. Лаппо-Данилевский, минеролог В.И. Вернад-

³⁴ Бодуэн де Куртенэ. Критика и библиография. Казань, 1879. С. 46.

³⁵ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 1.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 56.

³⁷ Там же. Л. 79.

³⁸ Там же. Л. 82.

ский, политэконом А.А. Мануйлов, представлявшие в основном конституционно-демократическую партию («кадетов») и надеявшиеся, что смогут на этом политическом форуме успешно бороться за демократические свободы в стране. Партию возглавлял Павел Николаевич Милуков, историк, редактор газеты «Речь». Он активно выступал с публичными лекциями. После выступления в Нижнем Новгороде зимой 1895 года был уволен из Московского университета с запрещением заниматься лекционной деятельностью вообще³⁹.

Уже 14 мая 1905 года А.А. Шахматов в письме в Москву к Ф.Е. Коршу высказал свое противоречивое настроение: с одной стороны, он согласился с Ф.Е. Коршем, который говорил о «ложном положении» представителей университетов в Государственном совете, а с другой – был рад, что в Совет вошли именно они, представители нереакционной части общества: «А все-таки, какие мы ни на есть, по-моему, лучше, что университеты представлены нами, а не реакционерами, на которых так охотно опирались бы прочие члены Государственного совета в своих реакционных стремлениях. Впечатление от Государственного совета я выношу удручающее...»⁴⁰.

Из письма А.А. Шахматова Ф.Е. Коршу в Москву от 27 сентября 1905 года становится совершенно ясно, что настроение его и его сподвижников «препротивное». «Боюсь, как бы университет не скомпрометировал всякие либеральные начала и не дал бы сигнала к новым усилиям реакции. Какие ужасы творятся у вас в Москве! Общественное движение приняло такие размеры и такое направление, что решительно не чувствую себя способным ни следовать, ни следить за ними»⁴¹. В письме А.Е. Крымского В.И. Вернадскому из Ставрополя от 1905 года (без конкретной даты) украинский ученый так описывает обстановку на Северном Кавказе: «...всюду на Северном Кавказе преобладает настроение не конституционно-мистическое, а революционное»⁴².

В этих условиях А.А. Шахматову работалось очень тяжело. «Занятия идут вяло. Слишком сильны и тяжелы впечатления от всего окружающего. Наступление реакции совершенно несомненно. А впереди общее разорение и банкротство», – писал он в начале декабря 1905 года Ф.Е. Коршу⁴³.

Уступая нараставшему давлению народных масс, император 17 октября 1905 года подписал Манифест, в котором провозглашалась монаршья воля о даровании народу «основ гражданской свободы» на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и пр. В документе подчеркивалась необходимость привлечения в Думу всех слоев населения и обязательность прохождения через нее и утверждение ею всех законов. И хотя этот документ в определенную часть россиян вселил некоторую веру в будущее, научная интеллигенция отнеслась к нему в основном сдержанно, что видно, в частности, из

³⁹ Сабашников М.В. Записки. Письма. М., 2011. С. 658.

⁴⁰ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 366. Л. 264.

⁴¹ Там же. Л. 69 об.

⁴² Там же. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 880. Л. 2 об.

⁴³ Там же. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 363. Л. 2.

письма Шахматова Коршу от 31 декабря 1905 года: «Кажется, нас ждут еще новые ужасы ввиду того, что наветы крайних партий оправдываются: Манифесту 17 октября верить нельзя, правительство не признает его конституционным актом»⁴⁴.

По вердикту царя комиссия под председательством министра внутренних дел А.Г. Булыгина разработала проект учреждения в России высшего представительного органа – Государственной думы. Дума открылась 27 апреля (10 мая) 1906 года. Из 478 ее депутатов 179 (более 1/3 от общего числа избранных) составили представители «кадетов», или партии «Народной свободы», ведущей партии русской интеллигенции и буржуазии, образованной в октябре 1905 года и выступавшей за конституционную монархию и парламентское правовое государство.

В только что процитированном письме А.А. Шахматова к Ф.Е. Коршу содержатся и впечатления адресанта о начале работы Первой Государственной думы: «...вчера я был в первый раз в Думе; вряд ли Дума соберется еще раз... Если Думу закроют, наша группа тотчас же выйдет из Государственного совета»⁴⁵. Через месяц в новом письме Коршу Шахматов признается, что всякая надежда на мирную деятельность Думы у него пропала⁴⁶.

Первая Дума, как и предсказывал Шахматов, уже 9 июля 1906 года императорским указом была распущена. Вторая свое первое заседание провела 20 февраля 1907 года. Теперь число кадетов в ней уменьшилось до 98 вследствие усиления в избранном органе обоих флангов, особенно левого: левые партии завоевали в ней уже 43 процента ко всему числу членов Думы⁴⁷. Шахматов сначала был доволен ее деятельностью: «Как ни революционна Дума, как ни пугают социалисты предстоящими своими выступлениями, все же *симпатии мои на стороне Думы* (курсив наш. – В.М.), а не власти, которая довела страну до революционного брожения. Я глубоко убежден, что возможны честные уступки и вполне мыслимо честное соглашение»⁴⁸.

В стенах Думы и Совета ученые с позиций их партии глубоко анализировали сложившуюся в стране ситуацию и доискивались причин многих очевидных язв, разъедающих российское общество. Газеты российских столиц пестрели ежедневными отчетами о работе высших государственных органов, излагая диаметрально противоположные позиции ораторов, представлявших разные направления политической жизни страны. Как явствует из сотен и сотен официальных и неофициальных документов этой эпохи, наиболее острой, насущной проблемой была проблема обеспечения свобод.

Уже 3 июня 1907 года на основании предъявленного социал-демократам прокурором Петербургской судебной палаты обвинения в подготовке к «нис-

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 365. Л. 258.

⁴⁵ Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 366. Л. 264.

⁴⁶ Там же. Л. 265 об.

⁴⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. С. 239–240.

⁴⁸ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 83–83 об.

провержению государственного строя» и Вторая Государственная дума была распущена.

Эфемерность работы Государственного совета видел не только Шахматов, но и его коллеги. Историк русского языка Б.М. Ляпунов 23 апреля 1906 года, поздравляя А.А. Шахматова с новым избранием в Государственный совет, высказал горячее пожелание и на этом посту «в борьбе с темными силами за лучшее будущее» продолжать с уважением относиться к науке. «В то время как в науке ценны все сомнения, ценна с в о б о д а мнений отдельных исследователей, в политике господствует деспотизм партий, ведущий к принижению личности и взаимной вражде...» – делился своими выводами Ляпунов ⁴⁹.

В своих выступлениях в Государственном совете 4 мая 1906 года Д.И. Багалей и А.А. Шахматов потребовали резко и бесповоротно порвать с прошлым, внять властному голосу народа и твердо стоять на пути конституционных действий, отказавшись от политики репрессий. А.А. Шахматов, помимо этого, потребовал всеобщей амнистии на все виды политических преступлений, считая, что в сложившейся ситуации много виновных и с одной, и с другой стороны. Год спустя, 29 июня 1906 года, академик напишет А.Ф. Кони, передавая чувство неудовлетворенности Государственным советом: «Государственный совет производит очень тяжелое впечатление, и я сильно опасаюсь, что на днях на вопрос о смертной казни обнаружится полная его политическая несостоятельность» ⁵⁰.

Подписанные Николаем II 18 февраля 1905 года два «основополагающих» документа – Манифест с призывом к населению и властям содействовать в одолении врага внешнего и искоренении крамолы внутри страны и рескрипта, в котором царь объявлял о своем намерении привлекать избранных от населения людей к обсуждению и разработке законодательных предположений, конечно, не могли не оживить надежд на лучшее будущее страны.

На заседании Государственного совета 27 июня 1906 академик Шахматов выступил за отмену смертной казни, указав, что нельзя бороться с революционным движением громкими фразами и провозглашением возвышенных идей. Но вместе с тем «и грубой силой не подавить переживаемой нами революции: дело идет о революционном настроении, проникшем в глубокие и широкие слои населения» ⁵¹. Революционное настроение, убеждал ученый членов Государственного совета в соответствии с принципами его партии и собственными убеждениями, может быть изменено только необходимыми внутренними *реформами, оно может быть ослаблено и смягчено серьезными мерами успокоения*. Законодательная власть должна всячески укреплять в обществе понятие о том, что жизнь человеческая священна и что всякое посягновение на нее во имя каких бы то ни было идей преступно и позорно ⁵².

⁴⁹ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 883. Л. 105.

⁵⁰ Там же. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 78.

⁵¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 6–6 об.

⁵² Там же. Л. 7.

Научной интеллигенции, видевшей, естественно, как всегда далеко и понимавшей многое, невозможно было оставаться равнодушной, зная о деяниях власть предержащих! В письме к А.Ф. Кони от 2 мая А.А. Шахматов назвал результат возникшего «кипучего общественного движения» «печальным розыгрышем»⁵³. И уже 2 дня спустя в новом письме к А.Ф. Кони академик снова делится своими печальными настроениями: «Да, как ясно теперь, чем мы обязаны самодержавию. Одно, что меня подбодряет и утешает, – это вера в наш народ и нашу интеллигенцию»⁵⁴.

Очень сложным и напряженным в жизни ученых и студенческой молодежи оказался 1911 год. Газета «Русские ведомости» 2 февраля 1911 года сообщила, что ректор Московской духовной академии епископ Федор распорядился «подвергнуть наказанию студентов, которые подписались под телеграммой с выражением соболезнования на имя графини С.А. Толстой в связи кончиной ее мужа писателя Л.Н. Толстого. «Всем им выставлено за первое полугодие вместо пятерки за поведение 4½. Главнейшие же инициаторы телеграммы лишены стипендии»⁵⁵.

Министром народного просвещения в эти годы (1910–1914) был Л.А. Кассо. В начале 1911 года этот реакционный (по характеристике его современников) министр «своими произвольными действиями», «суровыми мерами», направленными на подавление студенческих волнений, вызвал небывалый массовый выход из Московского университета виднейших профессоров⁵⁶. К февралю подал в отставку и сам ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов.

А.А. Мануйлов, в 1861 году окончивший юридический факультет Новороссийского университета, с 1901 года был ординарным профессором Московского университета, автором ряда книг по политической экономии. После кончины ректора С.Н. Трубецкого он возглавил университет, пробыв на этом посту в это сложное время целых пять с половиной лет. Несмотря на все трудности в академической жизни, в университете наконец-то водворился порядок. В своем заявлении на имя министра о своей отставке Мануйлов написал, что он в университете в настоящее время является бесполезным и даже лишним⁵⁷. Уже 13 февраля 1911 года профессура города Москвы обратилась к А.А. Мануйлову с приветственным письмом. «Московская профессура в лице ее лучших представителей, – говорилось в приветствии, – совершает великое дело защиты прав автономии высшей школы в России. Законом установленное самоуправление университетов отменено в порядке административного усмотрения. Учащаяся молодежь ввергнута в борьбу студенческих союзов и собраний. Сама высшая школа, хранительница русской культуры, отдана во власть и на расправу чуждых ей сил. В этот тяжелый момент московская профессура на брошенный вызов дает

⁵³ Там же. Л. 68.

⁵⁴ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 75.

⁵⁵ Русские ведомости. 1911. 2 февр.

⁵⁶ Сабашников М.В. Записки. Письма. С. 380.

⁵⁷ Русские ведомости. 1911. 4 февр.

ответ, полный истинного достоинства и гражданского мужества. И русское общество не может не преклониться перед величием этой борьбы учителей граждан, его молодого поколения, которая в неизбежной и, может быть, скорой победе должна привести к торжеству не произвола, а правды и законности»⁵⁸.

К решению А.А. Мануйлова присоединились профессора университета: проректор П.А. Минаков; помощник ректора, заслуженный профессор по кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных М.А. Мензбир, один из лучших знатоков птиц и млекопитающих в Европе. Окончивший в 1865 году медицинский факультет университета, М.А. Мензбир в 1909 году был избран профессором. Как писали «Русские ведомости», здесь он совместил соблюдение закона с благодушным отношением к студенческим организациям и к отдельным представителям студенчества.

Совет Московского университета 28 января единогласно выразил благодарность всем троим за работу и почти единогласно (против был лишь один голосовавший) присоединился к мотивам ушедших в отставку профессоров: «Поступок, ими совершенный, признан Советом безусловно правильным»⁵⁹.

Третьего февраля последовал их примеру еще 21 человек (профессора, приват-доценты, преподаватели): В.И. Вернадский (минералогия), Н.А. Умов (физик), В.М. Хвостов (римское право), С.А. Чаплыгин (механика), Г.Ф. Шершеневич (гражданское и торговое право), Д.М. Петрушевский (всеобщая история), А.А. Эйхенвальд (физика), П.П. Алексинский (хирургия), приват-доценты Ф.Ф. Кокошкин (государственное право), А.А. Кизеветтер (русская история), В.И. Сыромятников (история русского права), П.Н. Сакулин (русская литература), Н.Н. Полянский (уголовное право), Г.В. Вульф (минералогия), Н.В. Давыдов (уголовное право), Г.И. Россолино (психиатрия), Д.Н. Виноградов (логика и психология). Узнав об обстоятельствах ухода из университета В.И. Вернадского, А.Е. Крымский заверил его в письме от начала августа 1911 года в том, что эти обстоятельства «вечно, с полной живостью, будут оставаться в моей памяти как особенно красивый, благородный аккорд всей той гармоничности, которую я в течение нескольких лет близко в Вас наблюдал»⁶⁰.

К названным профессорам 4 февраля присоединились В.К. Рот (нервные болезни), Б.К. Млодзевский (математика), В.П. Сербский (психиатрия), приват-доценты П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков. В этот день А.А. Мануйлов «простился краткими теплыми словами благодарности со штатом канцелярии университета. Все трое инициаторов ухода обошли старое здание университета и все его канцелярии и попрощались со служащими»⁶¹.

В воскресенье 6 февраля состоялось экстренное заседание Совета университета. К этому дню 16 профессоров подали заявления об отставке. Присоединились к уходу профессора Н.Д. Зелинский, П.Н. Лебедев, К.А. Тимирязев.

⁵⁸ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 522. Л. 1.

⁵⁹ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 522. Л. 1.

⁶⁰ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 880. Л. 20.

⁶¹ Русские ведомости. 1911. 4 февр.

«Московские ведомости», сообщая об этом два дня спустя, писали, что – разрушение Московского университета идет *crescendo* (усиливаясь). По подсчетам газеты, на этот день ушел 21 профессор, то есть 23 процента всего профессорского состава университета. По факультетам это выглядело так: из общего числа 20 профессоров филологического факультета в отставку ушел 1, из 25 профессоров физико-математического – 10, из 14 ученых юридического факультета в отставку ушли 3, из 32 профессоров-медиков университет покинули 7.

Выражая солидарность с московской профессурой, 37 профессоров Петербургского университета подписались под телеграммой солидарности с москвичами: «Глубоко потрясенные, узнали мы о горе, постигшем дорогих нам и всей русской науке и просвещению стойких борцов за право, за науку, за университет. *Изнемогая под бременем тяжелых испытаний* (курсив наш. – В.М.), шлем горячий привет, сердечное сочувствие и хотим сохранить надежду на лучшее будущее»⁶². Под телеграммой стояли подписи филологов С.К. Булича, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.Я. Марра, А.А. Шахматова.

На заседании Комиссии личного состава и внутреннего распорядка Государственного совета 14 февраля было заслушано выступление А.А. Мануйлова. Член комиссии, ректор Московского университета профессор Д.Д. Grimm заявил, что он вполне присоединяется к выводам профессора А.А. Мануйлова относительно недопустимости практики, при которой становится возможным устранение всего состава представителей от Академии и университетов из Государственного совета.

В ответ на случившееся последовали, как и следовало ожидать, приветственные адреса на имя Мануйлова от Общества русских врачей, Московского общества сельского хозяйства, Комитета русской группы Международного союза криминалистов, Московского юридического общества, от сценических деятелей Москвы...

А.А. Шахматов написал частное письмо ректору университета:
«Многоуважаемый Эрвин Давидович!

Сегодня я сделал попытку читать лекцию. В коридоре оказались приставы и городовые. В аудитории сидел один студент. Может быть, подошло бы еще двое-трое, если бы я занял кафедру и начал чтение. Но читать при таких условиях я не в силах.

Обращаюсь к Вам, как нашему избранному, с заявлением, что прекращаю хождение в университет и не беру вознаграждения за чтение лекций до тех пор, пока хозяином в университете не окажется Совет и ректор... Более всего я боюсь сделать что-нибудь неприятное для своих товарищей. Но не преувеличивая скажу, что не вижу иного выхода для того душевного состояния, которое переживаю, как прекращение чтения лекций»⁶³. В деле содержится также черновой вариант заявления Шахматова с отказом от чтения лекций.

В Петербургском университете состоялось многолюдное экстренное заседание совета профессоров, единогласно постановившего обратиться к министру

⁶² Русские ведомости. 1911. 9 февр.

⁶³ С.-Петербург. отд-ние архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 11–11 об.

народного просвещения Л.А. Кассо с ходатайством о том, чтобы наряды полиции были выведены из университета. В депутацию к министру, которая была принята им 2 февраля, вошли профессора А.И. Введенский, Э.Д. Grimm и академик А.А. Шахматов. Ситуация осложнилась тем, что днем ранее за участие в беспорядках были задержаны и водворены в разные тюрьмы Петербурга и округа 409 студентов. В соответствии с постановлением Совета министров от 11 января все они подлежали исключению из университета. Л.А. Кассо лишь пообещал довести требования депутации до сведения правительства. Но в тот же вечер администрация университета была поставлена в известность о благоприятном разрешении вопроса. В связи с этим в 9 часов вечера состоялось экстренное заседание совета профессоров, на котором члены совета просили ректора Э.Д. Grimma и проректора И.Д. Андреева взять их прошения назад. Кроме того, на следующее же утро полицейские наряды были удалены из главного корпуса университета. Настойчивость ученых одержала в этой схватке верх.

Однако не вся профессура поддерживала борьбу за свободы и за студентов. Так, крупный ученый-филолог, профессор столичного университета А.И. Соболевский в очередной раз разошелся со своими коллегами в оценке происходящего, опубликовав 6 февраля в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью «Университетский вопрос». Начиналась она так: «Высшая школа опять объявила войну науке. Осенью прошлого года был какой-то съезд революционеров в Финляндии. Эти господа сделали ряд постановлений. И вот теперь высшая школа приводит в исполнение одно из этих постановлений»⁶⁴.

А.И. Соболевский и ранее был не только в оппозиции к некоторым начинаниям и Академии, и учебных заведений, но и выступал по этим проблемам в печати. Упомянем хотя бы его противодействие реформе русской графики, на которой настаивали не только широкие круги ученых, но и учителя-практики⁶⁵. Лекции в столичных университетах в подавляющем большинстве случаев преподаватели не читали, мотивируя это внезапной болезнью.

Даже этот незначительный по объему фрагмент истории отечественной науки раскрывает невероятную сложность условий, в которых приходилось работать отечественным ученым накануне Октябрьской социалистической революции. Однако высокие моральные качества, любовь к России и к российской молодежи позволяли деятелям науки, следуя гуманистическим принципам, преодолевая непомерные трудности, отстаивать свои убеждения, бороться за свободу личности, за равенство всех населяющих страну народов, за развитие отечественной науки и особенно просвещения, в подъеме которого так нуждалась в то время наша страна.

Изучение и публикация материалов богатейших российских архивов, газетных публикаций предреволюционной эпохи, если оно не подвержено «фильтрации знаний», способствует реконструкции объективной исторической картины этого трудного времени.

⁶⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 6 февр.

⁶⁵ Макаров В.И. «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб., 2000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене. Критика и библиография [Текст]. – Казань, 1879.
2. Вестник знания [Текст]. – 1928. – № 5.
3. Волков, Л. Два академика [Текст] // Московские ведомости. – 1915. – № 104. – 8 (21) мая.
4. Горький М., Чехов А. Переписка, статьи, высказывания [Текст]. – М., 1937.
5. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) [Текст]. – М. ; Л., 1948.
6. Дурново, Н.Н. К украинской диалектологии [Текст] // Slavia. – 1925. – Вып. 4.
7. История СССР с древнейших времен до наших дней [Текст] : в 2 сер. : в 12 т. – Сер. 1 : Т. 1–6. – Т. 6. – М., 1966.
8. Лемке, М. 250 дней в царской ставке [Текст]. – Пг., 1920.
9. Макаров, В.И. «Такого не бысть на Руси преже...». Повесть об академике А.А. Шахматове [Текст]. – СПб., 2000.
10. Наука и ее работники [Текст]. – 1921. – № 3.
11. Покровский, М.М. Памяти Ф.Ф. Фортунатова [Текст] // Slavia. – 1925. – Вып. 3.
12. Сабашников, М.В. Записки. Письма [Текст]. – М., 2011.
13. Традиции русского языкознания на Украине [Текст]. – Киев, 1977.
14. Щеголев, С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма [Текст]. – Киев, 1912.

V.I. Makarov

SCIENTISTS OF RUSSIA ON THE EVE OF OCTOBER (BASED ON THE ARCHIVES AND PERIODICALS PREREVOLUTIONARY RUSSIA)

On the material archives and periodicals of the late nineteenth – early twentieth century with the problem of anti academia Russia for political freedoms, equal rights, for the rights of students.

science, scientists, students, university, political party, the Conservatives, the person, freedom, government, revolution.